

УДК: 811.161.1'373.45(497.11)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-267-279

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКИХ ТЕКСТАХ О СЕРБИИ

Д.И. Медведева, А.Ж. Фаттахова

Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, Ижевск, Россия, 426034

В статье предпринимается попытка комплексного анализа иноязычных вкраплений из сербского языка в русских художественных текстах о Сербии. Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени вкрапления из сербского языка в русских текстах не являлись предметом специального изучения. Иноязычные вкрапления анализируются по следующим параметрам: признаки их русификации, соотношение с системами контактирующих языков, степень связанности с национально-культурным содержанием сообщения, способы раскрытия значений иноязычных вкраплений в тексте. Являясь средствами художественной выразительности, иноязычные вкрапления придают тексту национальный колорит, который представлен номинациями явлений и реалий, отличающихся от российской действительности, а также языковыми единицами, демонстрирующими как генетическое родство, так и различия двух языков. Результаты анализа иноязычных вкраплений из сербского языка в русских текстах вносят определенный вклад в исследование языковых контактов между носителями близкородственных лингвокультур.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, русский язык, сербский язык, национальный колорит, реалии, метаязыковой комментарий

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы межязыковых контактов и связанные с ними вопросы изучения иноязычной лексики всегда привлекали внимание исследователей. Одним из следствий языковых контактов являются иноязычные вкрапления, ставшие предметом изучения многих лингвистов: А.А. Леонтьева, Л.П. Крысина, А.М. Бабкина, Л.Э. Князевой, В.В. Карповой, Н.А. Колосовой, Л.А. Булаховского, В.В. Лебедева, Я.И. Порецкого, Т.В. Красновой, Ю.Т. Листровой-Правды и др.

Иноязычные вкрапления являются начальной стадией ассимиляции иностранной лексики, на которой лексемы воспринимаются как чужеродный языковой системе элемент. В языкознании имеется несколько вариантов интерпретации этой дефиниции. С. Флорин и С. Влахов обращают внимание на объем и функцию данных единиц: иноязычными вкраплениями являются слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда — оттенка комичности или иронии [Влахов, Флорин 1980: 263]. Ю.Т. Листрова-Правда относит иноязычные вкрапления к стилистической категории литературной речи, обязанной своим появлением двуязычию носителей литературного языка [Листрова-Правда 1986].

Таким образом, можно говорить о том, что иноязычные вкрапления, являясь языковым элементом, также играют роль средств художественной выразительности для придания тексту аутентичности и создания национального колорита. Под «национальным колоритом» художественного произведения, вслед за С.И. Влаховым и С.Л. Флориным, мы понимаем окрашенность слова, которую оно приобретает, благодаря принадлежности его референта — обозначаемого им объекта — к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе, благодаря тому, что он, этот референт, характерен для культуры, быта, традиции, — одним словом, особенностей действительности в данной стране или данном регионе, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох [Влахов, Флорин 1980].

В данной работе проанализированы иноязычные вкрапления (ИВ), связанные с сербской культурной и языковой спецификой. Материалом исследования являются художественные и художественно-публицистические тексты, написанные на русском языке и адресованные широкому кругу читателей, интересующихся вопросами, связанными с Сербией: взаимоотношения России и Сербии, сербская история и культура, война в Югославии 1990-х гг. Время создания большинства произведений, за исключением романа В. Пикуля «Честь имею» — рубеж XX—XXI вв. Общее количество проанализированных ИВ — около 200, в работе приводится около 100 примеров. Исследование носит комплексный характер, так как в нем сочетаются лингвистический и литературоведческий подходы. По нашим данным, изучение иноязычных вкраплений на данном материале предпринимается впервые.

1. ПРИЗНАКИ РУСИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

В рассматриваемых текстах прослеживаются общие закономерности передачи сербских слов и фраз. Повествователем является человек, ранее не изучавший сербский язык, воспринимающий сербские слова, которые станут в его сообщении ИВ, на слух в устной коммуникации и воспроизводящий их также со слуха, по памяти. Большинство сербских вкраплений в русских текстах подвергаются русификации. Исключение составляют фрагменты письменного текста, воспроизводимые в оригинальной графике.

Выделим следующие признаки русификации: использование принятого в русском языке фонематического принципа орфографии, в отличие от сербского фонетического: *сладко* [Ряховская 2010] — серб. *слатко* ‘варенье’, *троножцы* [Пикуль 1989] — серб. *троношци* ‘табуреты’, *задушбина* [Мелькова 2004] — серб. *задушбина* ‘благотворительное учреждение’; передача специфических букв сербской кириллицы *ђ, њ, ј, љ, њ* средствами русского алфавита: *Бели(й) Анжео* [Голубович 2003] — серб. *Бели Анђео*, *брача* [Михайлов 2008; Поликарпов 2007] — серб. *браћа* ‘братья’, *родьжендан* [Тихомиров 2006] — серб. *рођендан* ‘день рождения’; опущение чередования согласных: *опанки* [Пикуль 1989, Ряховская 2010] — серб. *опанци* (ед.ч. *опанак*); *краюшники* [Поликарпов 2007] — серб. *Крајишници*

(ед.ч. *Крајишник*); наращивание окончаний прилагательных по образцу русского языка: *ратный плен* [Поликарпов 2007] — серб. *ратни плен* ‘военная добыча’, *за свободу златную* [Тихомиров 2006] — серб. *за слободу златну* ‘за свободу златую’; замена *и* на *ы* в примерах общеславянской лексики, в том числе русификация окончаний существительных и прилагательных множественного числа: *русы, добры борцы* — серб. *Руси, добри борци* ‘русские (м.р.), хорошие бойцы’ [Михайлов 2008]; *войны книжицы* — серб. *војне књижице* ‘военные билеты’; преобразование энклитики *се* в постфикс *-ся* и написание его слитно с глаголами: *приявился* — серб. *пријавио се* ‘зарегистрировался’ [Поликарпов 2007], *почастились* — серб. *почастили се* ‘угостились’ [Ряховская 2010]; этимологизация: *это моя дочерка из Москвы* [Голубович 2003] — возведение сербского *кћерка* ‘дочь’ к старославянскому *дщерь*; *ведь и говорить-то у них* — *притчати* [Голубович 2003] — сближение сербского *притчати* ‘говорить, рассказывать’ с родственным русским *притча*; *Београд! Стигли смо*, — *услыхал я сквозь дрему... Мы достигли Белграда* [Тихомиров 2006] — употребление сербского глагола в одном высказывании с однокоренным и близким по значению русским глаголом, раскрывающим его значение; *они охраняют древнесербскую престоллицу, в которой живет сейчас пара десятков сербов* [Тихомиров 2006]. Слово *престоллица* сконструировано автором как нечто среднее между сербским *престоница* ‘столица’ и русским *столица* — лексемами, тождественными по значению и происходящими от одного корня.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ С СИСТЕМАМИ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ

В нашем исследовании используется классификация Ю.Т. Листровой-Правды, поскольку она может быть применена к текстам всех функционально-речевых стилей и жанров, в ней предусмотрена синтаксическая и графическая характеристики иноязычных вкраплений, а также анализ их стилистических функций [Листрова-Правда 1986].

а) Полное ИВ (отрезок текста на иностранном языке).

Цветные фотографии альбома открывают виды города в разные времена года. <...> Но мне больше запомнилось фото девушки в осеннем парке. Нет, скорее на заросшем деревьями старом кладбище. Под ее ногами лежат желтые листья и... осколки старых надгробий. <...> Фото полно грусти, звенящей тоски, навеивает какие-то русские мотивы... Комментарий к этой иллюстрации вьелся в мою память: «Zemlja je smrtnim sjemenom posijana» (Смертным семенем земля засеяна). Пророческие слова. Семена, посеянные зубы дракона, взошли [Поликарпов 2007].

Здесь ИВ представляет собой фрагмент текста на сербском языке, вставленный без каких-либо изменений. Для автора произведения важно сохранить подпись под фотографией из югославского альбома на языке оригинала, поскольку она является центральным смыслообразующим ядром фрагмента — это предвестник гря-

душей беды, символ боли и страданий сербского народа в ходе войны 90-х гг. XX в. Отдельные снимки, объединенные в фотоальбом, предстают «застывшими» эпизодами жизни, которая уже никогда не будет прежней.

Учитывая, что читатель невольно останавливает внимание на требующих более тщательного осмысления иноязычных лексемах, можно говорить о том, что данная фраза является ярким смысловым акцентом, аккумулирующим авторский замысел максимально «погрузить» читателя в описываемые события.

Особую роль играет фонетический аспект. Сербское слово *smrt*, безошибочно ассоциирующееся в сознании читателя с русским *смерть*, состоит из четырех согласных звуков подряд, причем ударным является твердый дрожащий [p], что придает лексеме жесткое, тревожное звучание. Таким образом, создается гиперболизированный образ смерти как беспощадного, трагического явления. Примечательно, что автор переводит лексему *smrtnim* как «смертным», а не «смертельным», как было бы уместнее при упоминании неодушевленного объекта (семя). Употребляя эту лексему в согласовании со словом *семя*, автор не только учитывает фонетическую близость русского *смертными* сербского *smrtnim*, но и вводит дополнительный подтекстовый смысл: *смертное семя* — не только предвестник войны, «росток» которого приведет к гибели миллионов, но и собирательный образ людей, погибших за свою родину.

В следующем примере:

Човече, бре! Је ли ти си нормалан?! Југославија била создана неколико раније — лет, едак, на 27! Раније тогo момента, как Броз пришел к власти [Тихомиров 2006]

полное ИВ, являясь частью реплики одного из героев повествования, играет в тексте стилиобразующую роль. Следует отметить, что повесть «Зона умолчания» — документальная, и точность репрезентации образов для автора очень важна. С помощью данного ИВ, перевод которого дан в сноске *что-то типа нашего: «Алё! У тебя все дома?»,* автор создает речевой портрет человека, не просто живо участвующего в разговоре, а с жаром отстаивающего свою точку зрения.

Следует учесть, что данная фраза была сказана в момент очень эмоционального разговора о возможной монархизации Сербии. И в сербском оригинале, и в русском переводе данная фраза стилистически маркирована, однако автор предпочел сохранить язык оригинала для создания «портрета героя», принадлежащего к определенной национальности и обладающего свойственным сербам взрывным темпераментом. Важно отметить, что русский перевод высказывания дан Тихомировым в сноске, а не включен в основной текст. Это придает экспрессивной реплике эффект спонтанной разговорной речи. Кроме того, сербский язык представлен в произведении кириллицей, что позволяет русскоязычному читателю догадаться о значении слов ввиду родственности языков (букв.: *Эй, человек! Ты вообще нормальный?!*). Следовательно, читатель максимально погружается в ситуацию «жаркой» полемики, раскрывая для себя характеры каждого из ее участников.

б) Частичное ИВ (слово, словосочетание, предложение или отрезок иностранного текста, в той или другой мере — фонетически или морфологически —

ассимилированные в языке или включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения). Рассмотрим примеры.

В примере за *фасадом европейских нововведений... скрывались устойчивые структуры традиционного общества, определяющие поведение не только простого «селяка», но и элитарных слоев сербского общества* [Белов 2009] частичное ИВ селяк передано в русской графике, что имеет важное стилиобразующее значение. Сербское *селяк* ‘крестьянин’ само по себе стилистически нейтрально, однако, записанное в русской графике, оно приобретает привычную для русского языка форму и вызывает ассоциацию с такими словами, как *бедняк, остряк, простак, добряк*, принадлежащими к разговорному стилю. Следовательно, сербское селяк в русском предложении воспринимается как маркированное (разговорное) и в контексте создает необходимый автору яркий контраст между слоями общества — «простой селяк» противопоставляется «элитарным слоям».

Следующий пример — *Мы шли по Кнеза Михаила / мимо продавниц, кафан, биоскопов... / Мимо шли влюбленные девойки и момци — / сербские деци, / такие же красивые и гордые, / как их таинственная страна* [Коржов 2000] — строки из стихотворения Д. Коржова «Тебе двадцать шесть». ИВ *продавниц* ‘магазинов’, *кафан* ‘кофеен’, *биоскопов* ‘кинотеатров’, *девойки* ‘девушки’, *момци* ‘юноши’, *деци* — от серб. деца ‘дети’ встроены в словоизменительную парадигму русского текста.

Отметим, что автор не дает их перевод даже в сноске, позволяя читателю построить свою цепь ассоциаций и догадок, что является уместным в лирике. Графическое оформление и отсутствие перевода придает повествованию эффект свежего впечатления от первого погружения в иную среду и первого знакомства с причудливыми словами запоминаемого на слух сербского языка. Читатель словно вовлечен в пешую прогулку молодого героя произведения, и, подобно ему, открывает для себя новые объекты, фиксируя в памяти фонетическую оболочку лексем. Сербские слова в данном случае не берут на себя роль смысловых акцентов, а несут функцию указания на место действия; на первый план выходит фигура Лирического героя и его спутницы — Весны. Таким образом, частичные иноязычные вкрапления в данном примере необходимы автору для создания особой атмосферы произведения, погружающей читателя в новую культурную среду.

Слова *родолюбие, родолюбивые песни*, употребленные в очерках о Сербии [Мелькова 2004], являются русификацией сербских слов: *родољубље* ‘патриотизм’, *родољубиве песме* ‘патриотические песни’. Русскоязычный читатель без труда выделит в сербском слове *родољубље* два корня — «род» и «любить», что контрастирует с заимствованным из греческого языка словом *патриотизм*, имеющим только один корень *πατρις* ‘отечество’.

Для авторов важно подчеркнуть славянскую принадлежность чувства любви к родине, поэтому они русифицируют сербские слова (с окончаниями *-ие, -ые*), тем самым возводя патриотизм в ранг священного чувства, объединяющего славянские народы.

Необходимо отметить, что иноязычными вкраплениями в русских текстах часто становятся сербские слова, которые являются исконными и этимологически прозрачными для носителей русского языка, в противоположность их русским эквивалентам, представляющими собой заимствования из западноевропейских языков. Так, встречая в текстах приведенные ниже ИВ, русскоязычный читатель легко соотнесет их с исконными русскими словами: *правник* ‘юрист’ — *право*, *напад* ‘атака’ — *нападение*, *положай* — от серб. *положај* ‘военная позиция’ — (место)положение, *двузрок* ‘бинокль’ — *два* и *зрение*, *затвор* ‘тюрьма’ — *затворить* (двери), *дописник* ‘корреспондент’ — *дописывать*, *ухапили* — от серб. *ухапсили* ‘арестовали’ — *ухватить* и *хапать*, *приявишься* — от серб. *пријавиш се* ‘зарегистрируешься’ — *явишься*, *црнац* ‘негр’ — *черный*. Вероятно, такое соотнесение побуждает читателя к рефлексии над родственными языками, пробуждает к ним интерес и может вызвать эффект неожиданности от того, что слова иностранного языка оказались «роднее» слов родного русского языка.

в) Контаминированное (или русско-иноязычное) вкрапление представляет собой русское слово, словосочетание или предложение, употребленное по законам другого языка (или с нарушением законов русского языка). В примере *Павел, есть проблема. По твоим бумагам ты не можешь войти в нашу землю* [Тихомиров 2006] вместо стандартного русского *ты не можешь въехать в нашу страну* употреблены в русифицированной форме слова *ући* ‘1) войти, 2) въехать’ и *земља* ‘1) страна, 2) земля’, однокоренные с русскими, но, в отличие от них, многозначные. Читатели, знающие сербский язык, распознают эту многозначность; для читателей, не знакомых с сербским языком, фраза является стилистически маркированной. В следующем примере, содержащем буквальный перевод словосочетания, вкрапление сопровождается подробным комментарием.

Вечером после службы игуменья Ефросинья пригласила нас на «русский чай» (этот любимый напиток именуется в Сербии «русским»). Приехав в страну, я долго не могла понять, почему уже по пути в сербский дом или монастырь нам сообщали о наличии там русского чая. И когда хозяйка с неизменной гордостью ставила на стол большие кружки ароматного дымящегося напитка, приходилось только удивляться их детской радости. Потом все встало на свои места. Дело в том, что почти никто на всем пространстве бывшей Югославии не пьет крепкого черного чая, предпочитая кофе (наследие турок) [Батраева 2006].

Рассмотрим примеры контаминированных ИВ в контексте, где обсуждаются аргументы «за» и «против» восстановления монархии в Сербии. Один из собеседников считает, что в случае реализации данного проекта король будет лишь марионеткой и в этом *позорище он будет даже не глумцом, а всего лишь декорацией* [Тихомиров 2006].

В данном примере иноязычные вкрапления *позорище* и *глумцом* введены автором как элементы языковой игры. Эти лексемы и по форме, и по семантике являются слиянием русского и сербского языков. Русского слово *позорище* определяется как 1) зрелище (устар.), 2) позорное явление, позор. Значение сербского *позориште* ‘театр’ схоже с устаревшим значением русского слова (зрелище). Вводя слово *позорище* в текст, автор предполагает узнавание читателем русского

значения в иноязычной форме. Слово обретает подтекст: это не только сербская ассоциация с театром как местом действия, ареной для каких-либо событий, но и русская ассоциация с *конфузом*, «*позорищем*», которая уже не стилистически нейтральна, а ярко экспрессивна. Лексема *глумцом* по форме схожа с творительным падежом русского слова *глупец* (*глупцом*), что вызывает в сознании читателя соответствующую ассоциацию. Кроме того, здесь происходит слияние семантики русского *глупец* и сербского *глумац* ‘актер’. Следовательно, тот, о ком говорится в сообщении, предстает не только «актером на арене театра жизни», но и «глупцом, подвергающим себя позору». С помощью языковой игры автор придает высказыванию экспрессивность и выражает резко негативную субъективную оценку обсуждаемого политического проекта как бессмысленного.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ ПО СТЕПЕНИ СВЯЗАННОСТИ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ СВОЕОБРАЗИЕМ СОДЕРЖАНИЯ СООБЩЕНИЯ

а) ИВ, непосредственно связанные с национально-культурным своеобразием содержания сообщения. Это названия сербских праздников и их атрибутов: *Крестная слава* — день святого покровителя семьи, *славски колач* — традиционный хлеб, который пекут на Крестную славу, *бадняк* — полено, сжигаемое в Сочельник на очаге; еды и напитков: *каймак* — мягкий соленый сыр из жирных сливок, *пришута* — копченый свиной окорок, *айвар* — овощная икра; одежды и обуви: *шайкача* — национальный головной убор наподобие пилотки, *опанки* — крестьянская кожаная обувь; разное: *инат* — упрямство, дух противоречия; *полако* — 1) медленно, полегоньку 2) расслабься, не спеши; *задруга* — 1) большая патриархальная семья 2) кооперативное товарищество; *гусли*, от серб. *гусле* — сербский народный однострунный музыкальный инструмент, *коло* — сербский народный коллективный танец, *задушбина* — благотворительное учреждение, *смертовница* — от серб. *посмртница* — извещение о смерти, вывешиваемое на улицах, на воротах домов и т.п. родственниками умершего, и др. Данные ИВ являются этнографическими реалиями и не имеют однословных эквивалентов в русском языке.

б) ИВ, косвенно связанные с национально-культурным своеобразием сообщения. В нашем материале это слова, призванные отразить языковое своеобразие среды, где происходит действие. Данные лексемы не являются реалиями и легко переводятся на русский язык: *Бадни дан* — Сочельник, *Божич* — Рождество, *кафа* — кофе и др. Факторами, побуждающими авторов к использованию таких слов в качестве ИВ, по нашему мнению, являются: образность (внутренняя форма), понятная русскоязычному читателю без перевода, но отличающаяся от образности русского эквивалента: *скакавцы* ‘кузнечики’, *уверение* ‘подтверждение’ [Валецкий 2006], *дозвола* ‘пропуск’ [Поликарпов 2007], *плаченники* ‘наемники’ [Михайлов 2008], *лота наприка* ‘горький перец’ [Батраева 2006], *купатило* ‘ванная’, *многобожцы* ‘язычники’ [Тихомиров 2006], *псовки* ‘нецензурные слова’ [Генш 2008]; лаконичность: *менячница* ‘пункт обмена валюты’ [Генш 2008]; Ряховская 2010], *спаваоница* ‘спальный район’, *специальцы* ‘бойцы отряда милиции

специального назначения' [Валецкий 2006], *рыбняк* 'пруд для разведения рыбы' [Тихомиров 2006]; несходство по форме с русскими эквивалентами: *сликать* — от серб. *сликати* 'фотографировать' [Ряховская 2010], *ручек* — от серб. *ручак* 'обед', *пражня* — от серб. *пражня* 'охрана' [Батраева 2006].

В числе иноязычных вкраплений, не имеющих непосредственной связи с национально-культурным своеобразием, представляют интерес ИВ — названия русской и сербской национальностей, как правило, имеющие позитивный оттенок значения. В данном случае сербские и русские слова имеют общие корни, но разную аффиксацию (*Рус* 'русский', *Рускиња* 'русская', *Србин* 'серб', *Српкиња* 'сербка') и принадлежат к разным частям речи (*русский*, *русская* — субстантивированные прилагательные, а *Рус*, *Рускиња* — существительные). Пример:

В пути они с сербом действовали по следующему алгоритму. Серб просил у местных жителей воды, потом говорил: «Эй, рус, пойдй сюда!» Услышав «рус», жители дома накрывали на стол и угощали руса, а заодно и его попутчика, серба [Поликарпов 2007].

ИВ *рускиня*, *сербкиня*, возможно, рассчитаны на ассоциацию с русскими словами *княгиня*, *богиня* и т.п., имплицитными высокими статус носительниц этих титулов и, следовательно, позитивно коннотированными:

Добрила — сербкиня, родом из городка Дзяковица [Тихомиров 2006].

Мирную беседу нарушил отец Петар, сообщивший, что с ним приехали рускини. — Русия, Русия! — слышались радостные голоса [Батраева 2006].

4. СПОСОБЫ РАСКРЫТИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ТЕКСТЕ

а) Непрямой перевод средствами контекста. При использовании данного способа ИВ органично вливаются в повествование, не лишая его непринужденности, и одновременно подчеркивают национальное своеобразие. В примере В. Пикуля пояснение ИВ имеет вид рефлексии повествователя:

Суровый отец с двумя девочками, обутыми в нищенские «опанки», сказал, что у него был сынок — студент-технолог. — Но его в Белграде напередняки ухаживили. Ныне там, — добавил он, — пришло ванредно станьо... Я кивнул сербу: ухаживить — это значит арестовать, а ванредно станьо — это осадное положение [Пикуль 1989].

В отрывке из очерка М. Ряховской, посвященном празднику «крестная слава», сербское слово *породица* 'семья' вообще не поясняется, так как, вероятно, автор рассчитывает на понимание его читателем по контексту и по общеславянскому корню «род»:

В декабре и январе у сербов — сезон слав. «Крстна слава» — обычай чисто сербский, это прославление домашнего святого, покровителя рода (...) Слава длится три дня — и много-много веков, — отменить праздник не может даже смерть хозяина дома. Эстафету продолжает старший сын, у которого собирается вся «породица» [Ряховская 2010].

б) Перевод в тексте. Данный способ используется для раскрытия смысла иноязычных понятий русскими однословными эквивалентами, приблизительными

аналогами из русской культуры, родовыми понятиями, соответствующими сербским видовым, либо развернутыми пояснениями. Оформление варьируется: через дефис, через запятую, в скобках, с ремарками «по-сербски» или «по-русски». Рассмотрим примеры:

Подкрепившись булочкой-кифлицей [Голубович 2003]; *в темной крестьянской избе-куче*; *в кожаных опанках-лаптях* [Воронин 2004]; *молодежь водила свое коло (хоровод)* [Генш 2008], *Добро (хорошо — серб.)! — ответил он* [Батраева 2006]; *Мы идем в лес за дубовыми ветками, бадняком, которыми сербы украшают дом на Божич вместо елки* [Ряховская 2010]; *в течение суток ты обустроишься и это будет подтверждено так называемой приявой — штампом в паспорте, который поставят в отделении милиции того места, где человек собирается гостить* [Тихомиров 2006]; *кусты купины (ежевика)* [Поликарпов 2007]; *бинокль, по-сербски двузрок, Уеденье или смрт! (По-русски это звучало бы: «Объединение или смерть!»)* [Пикуль 1989].

в) Сноски. В приведенных выше примерах из книг П. Тихомирова в сносках объясняются как полные, так и частичные ИВ. В книге М. Поликарпова в сносках переводятся реплики, к примеру: *Здрavo, монсы! Упaлячы има?* (сноска: *Привет, мужики! Закурить будет?*), где *монсы* — это воспринятое на слух слово *момци* ‘парни’. Также сноски используются для перевода надписей: *Вместо дорожных знаков в городе висят плакаты «Пази, снајпер!» и «Пази, мины!»* (сноска: «*Пази*» — это «внимание» по-сербски) [Поликарпов 2007].

г) Метаязыковой комментарий, под которым мы, вслед за Т.А. Кравцовой, понимаем вербальное, интерпретационное замечание, касающееся разнообразных аспектов употребления языковых знаков в художественном тексте [Кравцова 2014]. Данный прием раскрывает индивидуально-авторскую оценку тех или иных иноязычных понятий и реалий за счет того, что автор, анализируя лексемы, наделяет их своим подтекстом и ассоциациями.

Некоторые метаязыковые комментарии, особенно в тексте К. Голубович, обусловлены творческой интенцией автора, стремлением к креативной речевой деятельности. К примеру, так комментируется ситуация покупки фруктов в Сербии и слово *хв́ала* ‘спасибо’, произнесенное продавщицей:

Быть может, из-за белого цвета морщинистых пакетов, скрывающих в себе все цветные радуги современности, быть может, из-за абсолютной возвышенности, которое оно имеет для русского уха, и еще от неожиданности, «хв́ала!» кажется мне образовавшимся в воздухе брильянтом, фокусирующим в себе дневной свет и распространяющим вокруг себя какое-то легкое свечение [Голубович 2003].

Автор сопоставляет русское слово «спасибо» и сербское «хвала», подчеркивая различия их внутренней формы:

Не отсроченное русское пожелание «спаси тебя Бог», спасибо, или виртуальное «дарение блага», благодарю, а открытое прославление — «хв́ала!».

В данном примере, будучи включенным в синтаксическую связь русского предложения, ИВ *хв́ала* ассимилируется, укрепляя устойчивую ассоциацию с рус-

ским словом высокого стиля *хвалá*. Наполняясь авторскими метафорическими характеристиками, оно репрезентирует образ магического, почти сакрального слова. В следующем примере также имеет место соотнесение сербского слова с одно-коренным русским и игра смыслов:

Заезжих корреспондентов сербы величали «дописниками», как будто мы дописывали то, что они, сербы, уже написали [Пикуль 1989].

В виде исключения, в примере М. Ряховской прослеживается связь со словом из языка иранской группы индоевропейской семьи:

Заведу огонь, — говорит Драган. — Огонь — у нас слово устаревшее. Огонь — у нас «ватра». И затапливает печку. Ватра — имя древнеперсидского бога, хранителя очага... [Ряховская 2010].

Здесь автор делится с читателями открытием неожиданного сходства слов отдаленно-родственных языков.

Комментарии, касающиеся различий сербского и русского произношения, либо констатируют их — *На слух — сербский язык теряет наши гласные (наше «сердце» — их «срдце»* [Голубович 2003]; *Сербь-каптеры дружно отвечали: «Нема» (ударение на первый слог)* [Поликарпов 2007] — либо выражают субъективное отношение автора:

имя «Олег» они произносили довольно забавно — с ударением на первую гласную [Тихомиров 2006], *[сербская линия обороны] шла по старому, уже закрытому Еврейскому кладбищу к горе Дебело **бырдо** (740 м). Вообще-то, **брдо** — это гора, но мне уже привычнее говорить **бырдо*** [Валецкий 2006].

5. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ — ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Среди ИВ выявлено несколько примеров «ложных друзей переводчика»: *куча* — серб. *кућа* ‘дом’, *печенье* — серб. *печење* ‘жаркое’, *свастика* ‘свояченица’, *кутина* ‘ежевика’ и др. Ложные друзья переводчика, на наш взгляд, являются одним из наиболее ярких средств придания произведению национального колорита, поскольку «разрушают» устоявшуюся ассоциативную модель, связанную с той или иной лексемой, в сознании читателя. Так, сербская лексема *кућа* ‘дом’ (от старосл. *куца* — шатер, хижина, жилище), переданная частичным ИВ *куча*, вызывает у русского человека ассоциацию с русским словом *куча* — большое количество чего-нибудь, наваленное в одном месте горкой. Внутритекстовый перевод привносит новую ассоциацию, неожиданную и курьезную для русскоязычного читателя, что способствует запоминанию сербского слова:

*Сразу же исчезают радующие глаз цветы, в которых утопают аккуратные сербские **кучи** (дома — серб.), их сменяют недостроенные громоздкие особняки «новых хозяев»* [Батраева 2006]; ***Кучи** (сельские дома), крытые черепицей, пестрели по всей долине* [Воронин 2004].

ИВ *свастика* рассчитано на ярко выраженный юмористический эффект:

*Больше всего мне нравится, как сербы называют сестру жены — **свастика**. Чтоб тебя, **свастика** проклятая, вечно лезешь не в свое дело!* [Ряховская 2010].

Употребление ИВ *купина* ‘ежевика’ вызывает эффект контраста между сербским нейтральным словом, отражающим фрагмент обыденной реальности, и русским *купина* ‘куст’, устаревшим, высокого стиля, находящимся на периферии языка и знакомым носителям русского языка преимущественно по словосочетанию *неопалимая купина* (библ. горящий, но не сгорающий куст. *перен.* О чем-то в высшей степени ценном, что не поддается уничтожению, забвению).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, иноязычные вкрапления являются средствами художественной выразительности, придающими тексту национальный колорит, который представлен, во-первых, номинациями артефактов, явлений и реалий, отличающихся от российской действительности. Во-вторых, созданию национального колорита способствуют иноязычные вкрапления, которые демонстрируют как генетическое родство, так и различия двух языков. В нашем исследовании отмечены примеры сходства формы и значения, сходства формы при различии значений и различие формы при сходстве значений. На комплексе указанных факторов строится система изобразительно-выразительных средств, одним из которых является языковая игра. Главная функция ИВ в художественных текстах — стилиобразующая. Способы пояснения и адаптации ИВ в тексте свидетельствуют о стремлении авторов сделать сербские слова понятными для читателя, «освоить» их, а также создать позитивное впечатление о языке и культуре родственного славянского народа.

© Медведева Д.И., Фаттахова А.Ж.

Дата поступления: 23.01.2017

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Батраева Н.А.* Косово. Сербская Голгофа. Москва, 2006.
2. *Белов М.В.* Русские о Сербии и о сербах. Т. 1: письма, статьи, мемуары (рецензия на книгу) // *Славяноведение*. 2009. № 1. С. 107—111.
3. *Валецкий О.В.* Волки Белые. Сербский дневник русского добровольца. 1993—1999. Москва, 2006.
4. *Влахов С.И., Флорин С.Л.* Непереводимое в переводе. Москва, 1980.
5. *Воронин Т.Л.* Родная Сербия (История братского народа). Москва, 2004.
6. *Геши К.* Сербия. Черногория. Македония. Албания. Путеводитель. Москва, 2008.
7. *Голубович К.О.* Сербские притчи: путешествие в 11 книгах. Москва, 2003.
8. *Кравцова Т.А.* Содержательно-прагматический потенциал метаязыкового комментария в англоязычном художественном дискурсе. Автореф. дис ... канд. филол. наук. Барнаул, 2014.
9. *Коржов Д.* Тебе двадцать шесть // Над Сербией смилуйся Ты, Боже.... Москва, 2000.
10. *Листрова-Правда Ю.Т.* Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986.
11. *Мелькова М.И.* Славянское братство // За крест честной и свободу золотую. Москва, 2004.
12. *Михайлов М.* Стреляешь в брата — убиваешь себя. Москва, 2008.
13. *Пикуль В.С.* Честь имею. Роман, исторические миниатюры. Москва, 1989.
14. *Поликарпов М.А.* Сербский закат. Москва, 2007.
15. *Ряховская М.* Икона и лопата: путевые заметки // *Дружба народов*. 2010. № 10. С. 135—155.
16. *Тихомиров П.В.* Зона умолчания. Николаев, 2006.

УДК: 811.161.1'373.45(497.11)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-267-279

SERBIAN LANGUAGE ELEMENTS IN RUSSIAN TEXTS ABOUT SERBIA

Diana I. Medvedeva, A.Zh. Fattakhova

Udmurt State University

Universitetskaya str., 1, Izhevsk, Russia, 426034

Abstract. The paper presents the analysis of Serbian language elements in Russian literary texts about Serbia. The novelty of the research lies in the fact that the investigation of Serbian language elements in Russian texts has not been conducted as a separate study before. Foreign elements in this paper are analyzed in such aspects as characteristics of their adaptation in Russian, their correlation with the systems of the source language and the target language, the degree of their connection with cultural specifics of the content of the text, the ways the meanings of the foreign elements can be explained throughout the text. As a figure of speech, foreign elements add the local colour to the text. They are presented by Serbian realias that do not have direct equivalents in the Russian culture as well as by linguistic units that demonstrate both genetic affinity and differences between the two languages. The results of the analysis of Serbian elements in Russian texts about Serbia will contribute to the research of language contacts between peoples whose languages are closely related.

Key words: foreign elements, Russian language, Serbian language, local colour, realias, metalinguistic comment

REFERENCES

1. Batraeva, N.A. (2006). *Kosovo. Serbian Calvary*. Moscow. (in Russ).
2. Belov, M.V. (2009). Russians about Serbia and the Serbs. Vol. 1: letters, articles, memoirs (review of the book). *Slavianovedenie, 1*, 107—111. (in Russ).
3. Valetsky, O.V. (2006). *White Wolves. Serbian Diary of a Russian Volunteer. 1993—1999*. Москва. Moscow. (in Russ).
4. Vlahov, S.I. & Florin S.L. (1980). *Untranslatable in translation*. Moscow. (in Russ).
5. Voronin, T.L. (2004). *Native Serbia (History of the Fraternal People)*. Moscow. (in Russ).
6. Gensh, K. (2008). *Serbia. Montenegro. Macedonia. Albania. Guide*. Moscow. (in Russ).
7. Golubovich, K.O. (2003). *Serbian parables: a journey in 11 books*. Moscow. (in Russ).
8. Kravtsova, T.A. (2014). *The content-pragmatic potential of the metalanguage commentary in the English-language art discourse*. [dissertation abstract]. Barnaul. (in Russ).
9. Korzhov, D. (2000). You are twenty-six. In: *Over Serbia have mercy, Oh God... (Vs. Serbia)*. Moscow. (in Russ).
10. Lystrova-Pravda, Yu.T. (1986). *Selection and use of foreign inclusions in Russian literary speech of the XIX century*. Voronezh. (in Russ).
11. Melkova, M.I. (2004). The Slavic Brotherhood. In: *For the precious cross and Golden freedom*. Moscow. (in Russ).
12. Mikhailov, M. (2008). *You shoot at the brother — you kill yourself*. Москва. Moscow. (in Russ).
13. Pikul, V.S. (1989). *I have the honor. Novel, historical miniatures*. Moscow. (in Russ).
14. Polikarpov, M.A. (2007). *The Serbian Sunset*. Москва. 2007. Moscow. (in Russ).
15. Ryakhovskaya, M. (2010). Icon and shovel: travel notes. *Peoples' Friendship, 10*, 135—155. (in Russ).
16. Tikhomirov, P.V. (2006). *Default zone*. Nikolaev.

Сведения об авторах:

Медведева Диана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики института языка и литературы Удмуртского государственного университета; *научные интересы*: лингвокультурология; перевод; многоязычие; ономастика; этимология; *e-mail*: diami@mail.ru

Фаттахова Аида Жавдатовна, аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики института языка и литературы Удмуртского государственного университета; *научные интересы*: эстетические функции слова в художественной речи; *e-mail*: a19f19@mail.ru

Bio Note:

Medvedeva Diana Igorevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor of Romance philology at Udmurt State University; *Research Interests*: Translation; Multilingualism; Onomastics; Etymology; *e-mail*: diami@mail.ru

Fattakhova Aida Zhavdatovna, Graduate student at Udmurt State University; *Research Interests*: Stylistics or the Language of Literature; *e-mail*: a19f19@mail.ru